

О СУДЕБНЫХ УСТАНОВЛЕНИЯХ И ПОДАТЯХ, ПЛАТИМЫХ ЛОПАРЯМИ

В предыдущей главе мы обрисовали государственное устройство Лапландии, организацию властей, управляющих лопарями, и теперь переходим к описанию того, что составляет главный объект их деятельности в этой стране, т.е. судебных установлений и податей.

В литературных памятниках мне удалось найти весьма скудный материал по этому вопросу. По-видимому, в эпоху независимости судебные дела между лопарями решались их собственными правителями или королями. Попав в зависимость от биркарлийцев, они долгое время подчинялись их юрисдикции. Циглер не нашел у них ни судов, ни судей: "За решением своих споров, – пишет он, – эти племена обращаются в Швецию". Я думаю, однако, что это могло относиться лишь к серьезным тяжбам, по которым биркарлийцы или не умели, или не смели вынести определенного решения.

Вообще говоря, таких дел бывало, вероятно, очень мало, так как такие тяжкие преступления, как кражи, грабежи, убийства, прелюбодеяния и т.п., представляют величайшую редкость среди лопарей; с другой стороны, они не занимаются ссудами под проценты, так как все живут, довольствуясь своим достатком, а все вышеупомянутое ведь и составляет главную массу дел, загромождающих суды в других странах.

Единственный вид правонарушений у них представляют их нечестивые занятия чародейством всякого рода, которые уже издавна были запрещены законом и сурово карались. Такой вывод можно сделать из слов Олафа Магнуса: "Этот северный народ после принятия христианства никогда не занимается открыто своими магическими искусствами, запрещенными законом, и не смеет обучать им кого-либо другого под страхом смертной казни".

После того, как Густав, устранив биркарлийцев, подчинил лопарей непосредственно королевской власти и назначил к ним собственных наместников, судебные установления и разрешение тяжб были поставлены с большим знанием дела, с тщательностью и справедливостью. Но главную роль сыграл король Карл IX, больше других заботившийся о распространении на лопарей шведских законов и добивавшийся проникновения их в жизнь и быт лопарей. Это отчетливо звучит в инструкции, данной королем 10 октября 1610 года в Стокгольме лапландскому наместнику Ларсу Ларсону, которую мы здесь приводим: "Мы, Карл и т.д., повелеваем верноподданному народу нашему Ларсу Ларсону быть наместником над подданными нам лопарями в областях Умео, Питео и Лулео и править ими по законам Королевства Шведского, изложенным в печатном своде законов, который мы ему вручаем, дабы не было им никаких обид и притеснений".

В настоящее время в Лапландии имеется 3 судилища, во главе которых поставлено трое начальников, верша-

щих в них все дела, как об этом сообщает Иоанн Торней: "Вся Лапландия разделена на три судебных округа: Анундсиенский, или Ангерманландский, Умеооский, Питеоский и Лулеоский (вместе) и Торнеоский с Кемским. Во главе каждого стоит начальник, который именем короля, при участии судей и священников обязан чинить суд и расправу".

Здесь следует отметить привлечение к участию в судебных заседаниях священников, авторитет которых, думается мне, должен удерживать суд от каких-нибудь пристрастных и несправедливых решений. Старинные памятники не говорят, в какое время года заседал суд, и можно предположить, что судебные заседания были приурочены к ежегодным ярмаркам, на которые со всех сторон съезжались лопари для торговли и прочих дел. По декрету Карла IX суд должен был открываться дважды в год – зимой и летом, теперь же это происходит в январе и феврале, как сообщает Торней, притом именно в тех пунктах, определенных в каждом округе Лапландии, где устраиваются большие ярмарки.

Перейдем теперь к податям, уплачиваемым лопарями. В древности это были меха и шкуры диких зверей, которые вносились в казну не столько самими лопарями, сколько биркарлийцами в знак покорности этих последних шведскому королю.

Табличка, составленная Иоанном Буреом, говорит лишь о "naogra timber graoskin" – это беличьи шкурки серого цвета, какими они всегда бывают зимой, "timber" обозначает количество этих шкурок, а именно 40 шкурок, связанных вместе. Сколько таких связок обязаны были вносить биркарлийцы, Бурей не указывает. Зато в соглашении, заключенном между ними и Густавом I, говорится о восьми связках, т.е. о 320 беличьих шкурках и еще о 2 шкурках куниц: "Лулеоские и питеоские биркарлийцы в прежние времена платили дань королевской казне не свыше восьми связок беличьих шкурок, которые они называли timber и еще двух шкурок куниц, подобным же образом и торнеоские биркарлийцы добывали это от находящихся в зависимости от них лопарей".

Об этом виде податей упоминает Циглер, говоря: "Лопарский народ уплачивает дань драгоценными мехами". Так обстояло дело и позже, до царствования Густава I, который увеличил это количество вдвое, как видно из текста договора, заключенного им с биркарлийцами: "Лулеоские и питеоские биркарлийцы будут впредь давать ежегодно 16 связок беличьих шкурок, называемых ими timber, и 4 куньи шкурки, точно так же и торнеоские биркарлийцы, чтобы общее количество составляло 37 связок беличьих и 8 куньих шкурок". Этот договор был подписан в 1528 году, с которого и началось удвоенное поступление дани.

После того, как биркарлийцы были лишены своих прав на лопарей и эти последние попали в непосредственную зависимость от королевской власти, дань эта стала взиматься с лопарей королевскими наместниками. В результате этого с течением времени в характере ее произошли некоторые изменения. Так, в 1602 году последовало распоряжение вместо беличьих шкурок взимать с лопарей дань оленями и рыбой, а именно брать каждого десятого оленя и десятую часть по весу сушеной рыбы.

Как видно из текста этого рескрипта, данного королем Карлом IX в Стокгольме 21 июля 1602 года лапландским наместникам Олафу Бурману и Гиндрику Бенгтсону, это было сделано с тем, чтобы подданные наши в Лапландии, которые до сей поры не имели точного закона о причитающихся с них королевской казне податях, впредь знали и могли рассчитать, сколько каждый из них должен уплатить дани". По-видимому, до этого распоряжения наместники требовали от лопарей то меха, то шкурки, то еще что-нибудь другое, что в данный момент могло быть более полезным казне. Вследствие этого тяжесть налогов усиливалась и создавалась возможность для широчайших злоупотреблений со стороны наместников, т.к. ничего не понимающие лопари не могли даже знать, что они обязаны давать, а чего с них не имеют права требовать.

Рескрипт, данный вышеупомянутым префектам, устанавливал в этом отношении полную определенность: "Впредь брать с лопарей каждого десятого оленя и десятую часть по весу сушеной рыбы, которую они заготавливают впрок, дабы эти олени и рыба были отныне их постоянной ежегодной данью и сверх того ничего бы с них больше не взималось – ни мехов, ни шкур и ничего другого под строжайшим запретом". Однако и эта дань недолго удержалась, так как была очень тяжела для лопарей, не-

померно опустошая их стада, и через четыре года, т.е. с 1606 года, была заменена другою: "С каждого заливночного лопаря, достигшего 17 лет от роду, брать или двух самцов оленей, или трех самок, или 8 пудов (*pondo major*) сушеной рыбы, а также каждого десятого двухгодовалого теленка и десятую часть улова рыбы". В том же году была установлена подобная же дань и с биркарлийцев, являющихся на лопарские ярмарки: "Десятая часть шкурок и рыбы", а с имеющих оленей стада – "еще и десятую часть оленей".

Эта дань долго удерживалась и была подтверждена Карлом IX еще и в 1610 году. В наше время подати лопарей состоят из денег, оленей и мехов. Величина подати зависит от качества и величины земельного участка, на котором они кочуют; владельцы лучших и обширнейших называются *een heelskatt*, т.е. полноценные, платящие полный оклад подати; похуже – *een half skatt* – половина подати и т.д.

Лопари, принадлежащие к первой группе, обязаны ежегодно вносить в казну два империала (*nummos imperiales*), называемые иначе *skattadahler* (податные талеры), принадлежащие ко второй – один империал.

Так как, однако, нередко бывает, что у лопарей нет денег, то взамен денежных взносов они уплачивают дань мехами или рыбой. Меха, обыкновенно лисьи или беличьи. 50 таких мехов считаются равноценными империалу, одна шкурка – паре лопарской обуви. Рыба обыкновенно бывает сушеная, два пуда ее также соответствует империалу. Правда, при этом к обычному весу накидывается еще по 5 фунтов на пуд, так как почти настолько они теряют в весе при дальнейшем высыхании. Такую меру веса лопари называют *skattpund*, т.е. пуд, уплачиваемый в подати.

Из оленей уплачивают десятину не по отдельным семьям, а с целой округи (ragus). Часто восхвалявшийся мною автор анонимной рукописи пишет по этому поводу: "Они уплачивают десятую часть оленьих стад, причем каждый олень оценивается в три серебряных талера. Эту десятину вносят не по отдельным семьям, а со всей округи по определенной разверстке. Указание на цену оленя имеет тот смысл, что по желанию дань натурой может быть заменена денежным взносом". Третий вид подати представляют меха. Каждый глава семьи должен внести или одну шкурку песца или пару лопарской обуви или, если у него нет этого, пол пуда шуки.

Таковы подати, ежегодно платимые лопарями королевской казне; часть их, однако, по милостивому соизволению короля поступает на содержание священников, живущих среди лопарей, как уже было сказано выше.

Ввиду того, что лопари рассеяны по громадному пространству до самых берегов Ледовитого океана и полученную с них дань приходится вести далеко в те места, где она собирается королевскими чиновниками, давно постановлено, чтобы к обычной дани каждый из них добавлял еще пару лыж, называемых в этом случае *Naха palca*, т.е. ценою провоза, как бы в возмещение расходов по перевозке дани.

Чиновники, собирающие дань с лопарей, называются по-шведски *Lappfougdar*, т.е. лопарскими старостами. Должность эта была учреждена Густавом I после отстранения им биркарлийцев от монопольной власти над лопарями, как было уже сказано выше. Упоминание об этой должности встречается в уже приведенном нами в начале этой главы рескрипте, данном Карлом IX в 1602 г. Олафу Бурману и Гиндрику Бенгтсону и позднее в 1610 г. Ларсу Ларсону. В нем говорится: "А также поручаем им собирать дань с лопарей по всем вышеупомянутым округам Лапландии согласно нормам, указанным нами в статуте 1606 г."

Мы описали здесь подати, уплачиваемые лопарями в шведскую королевскую казну, но некоторые лопари платят дань еще и датскому королю и великому князю Московскому. Это не значит, что они считают себя подданными всех трех государей, но вызывается тем, что, ведя кочевой образ жизни, они часто пользуются территориями, принадлежащими этим монархам.

Торней пишет об этом следующее: "Подвластные Швеции лопари не ограничиваются упомянутой данью шведскому королю, но принуждены иногда платить ее двум, а то и трем государям. Это происходит не потому, что всех трех они считают своими повелителями и одинаково подчиняются их власти, но потому, что они пользуются правом свободной охоты и рыбной ловли на принадлежащих им территориях. К числу таких относятся почти все лопари Торнеоского прихода, живущие по ту сторону гор, так как летом из-за сильной жары на их возвышенностях им приходится сгонять свои стада в долины и к морскому побережью, где они попутно занимаются и рыболовством. За это они платят дань датскому королю, но лишь в половинном размере по сравнению с той, которая уплачивается ими шведской короне".

Эти приходы, расположенные за горами, носят название Коутокейне (*Koutokeine*), Ауюра (*Aujoura*), Тено (*Teno*) и Утцийоки (*Utzijocki*), как видно из предшествующих строк его сочинения. В подобном же положении

оказываются кемские лопари, живущие в приходе Эйнаре (*Enare*), так как им приходится постоянно охотиться и заниматься рыбной ловлей в землях, принадлежащих частью датскому королю, частью Великому князю Московскому. Поэтому и они вынуждены платить дань не только шведскому королю, но и этим двум государям; датскому королю они платят половину, а Великому князю Московскому четверть того, что вносится ими в шведскую казну.

В прежнее время дань собиралась с лопарей королевскими старостами в любое время и повсюду, где им заблагорассудится. Позднее они стали собираться для этого в определенные места, большей частью зимою. "Зимой, — говорит Самуил Реен, — когда обыкновенно наступает время сбора податей, они целыми ордами собираются в определенные места в назначенное время. В каждом округе были такие сборные пункты. Так обстояло дело, пока не были установлены определенные места, где находились склады и велась торговля, а впоследствии стали устраиваться также и торжественные ярмарки. Постепенно к моменту их и была приурочена уплата лопарями и своих податей королевским чиновникам, что продолжается и до нашего времени. Лопари вносят свою дань во время больших ярмарок, на которые для сбора податей приезжает обыкновенно королевский чиновник".

В какое время года это бывает и как происходят эти ярмарки, мы увидим в следующей главе.